Археологические вести

— 29 —

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yury Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Теребенина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebenin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Некоторые замечания к образу скифской полуженщины-полузмеи у Геродота

А. В. Подосинов¹

Аннотация. В статье анализируются образ полуженщины-полузмеи, описанной Геродотом в IV, 9, и выступающей в качестве прародительницы скифов, а также многочисленные изображения змееподобной богини, в которой часто видят либо иконографический вариант Геродотового персонажа, либо «прорастающую деву». К анализу привлекается описание дев, нижнюю часть которых представляет виноградный куст, в «Правдивой истории» Лукиана (I, 8), который явно пародирует здесь текст Геродота. Есть у Лукиана и другие эпизоды такого пародирования, в частности, он упоминает огромные следы на скале, будто бы оставленные Дионисом и Гераклом (I, 7), что отсылает нас к рассказу Геродота об отпечатке ступни Геракла на скале у реки Тира (IV, 82). Свидетельство Лукиана, возможно, подтверждает мнение историков, видящих в изображении северочерноморских богинь «прорастающих дев».

Annotation. This article analyses the image of half-woman-half-snake described by Herodotus in IV, 9. She was known to be an ancestress of the Scythians. We will also look at numerous images of a goddess who is often seen as either an iconographic variant of Herodotus' character or a "sprouting maiden" (Rankenfrau). The analysis involves descriptions of maidens with lower part in the form of a grape plant in Lucian's "A True Story" which obviously parodies the Herodotus' text. Lucian also has other episodes of such caricature. For example, he references to large footprints on a rock that Dionysos and Herakles would have left (I, 7) which refers to Herodotus' tale about Herakles footprint on a rock near the Tyras river (IV, 82). Lucian's evidence probably confirms an opinion of historians who see "sprouting maidens" in the images of North Black Sea region goddesses.

Ключевые слова: Геродот, Лукиан, пародия, змееногая богиня, «прорастающая дева».

Keywords: Herodotus, Lucian, parody, snake-legged goddess, "sprouting maiden" (Rankenfrau).

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-168-174

Среди легенд о происхождении скифов Геродот приводит и такую: «IV, 8. (3) Когда Геракл прибыл отсюда в страну, называемую ныне Скифией... он заснул, а кони из его колесницы, пасшиеся в это время, были таинственным образом похищены по божественному

предопределению. 9. Когда же Геракл проснулся, он отправился на поиски. Обойдя всю страну, он, наконец, прибыл в землю, которая называется Гилея. Здесь он нашел в пещере некое существо двойной природы: наполовину ехидну, наполовину деву, которая выше ягодич была женщиной, а ниже — змеей. (2) Увидев ее и изумившись, Геракл спросил ее, не видела ли она где-нибудь бродящих коней. Она же сказала ему, что лошади у нее и что она их ему не отдаст, пока он с ней не совокупится. Геракл вступил с ней в связь за

¹ Д-р ист. наук, гл. науч. сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; Ленинский пр., д. 32а, г. Москва, 119991, Россия; профессор, зав. кафедрой древних языков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Ленинские горы 1, ГСП-1, г. Москва, 119991, Россия.

такую цену. (3) ...Наконец она, возвратив [коней], сказала: „Я сохранила для тебя этих коней, забредших сюда, а ты дал награду — ведь у меня от тебя три сына...“» (перевод здесь и далее И. А. Шишовой с участием Е. Б. Новикова).

Полуженщина-полузмея, ставшая родоначальницей скифов, упоминается также Диодором Сицилийским, хотя его версия несколько отличается от Геродотовой (II, 43): «Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя — змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скиф, который, превзойдя славой всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами». (перевод П. И. Прозорова с дополнениями В. В. Латышева).

В отечественной историографии змееногая богиня Геродота долгое время считалась скифским хтоническим божеством Апи, которую Геродот отождествляет с греческой Геей (IV, 59). Многие исследователи полагали, что ее образ довольно широко представлен в искусстве Северного Причерноморья на бляшках, ритуальных чашах, в резных изображениях на саркофагах. Скифологи настаивают на местном, скифском, характере «иконографического материала из Северного Причерноморья, где сохранилось значительное количество изображений женского существа «...со змеевидной нижней частью тела» (Раевский, 2006. С. 64). О «змееногости» образа писали в разные годы Н. В. Пятышева (1947), Д. Б. Шелов (1950), А. П. Иванова (1951), Э. А. Грантовский (1960), М. И. Артамонов (1961), В. П. Петров, М. Л. Макаревич (1963), Н. А. Онайко (1970), Д. С. Раевский (1977; 1985), Д. А. Мачинский (1978), С. С. Бессонова (1983), Л. В. Копейкина (1986), Н. В. Анфимов (1987), Ю. П. Калашник (1995), И. Ю. Шауб (1999), А. И. Иванчик (2001), Б. Н. Мозолевский, С. В. Полин (2005), Д. П. Алексинский (2008) и др.

Так, например, М. И. Артамонов писал о знаменитом изображении богини: «В конском налобнике из Цымбаловой могилы имеется превосходное изображение змееногой богини,

по всей вероятности, той самой, которая почиталась в Гилее. Она одета в строго стилизованную одежду, на голове ее калаф с вырастающей из него пальметткой. Нижняя часть изображения, начиная от бедер, состоит из трех пар змееобразно изогнутых отростков, заканчивающихся головами львиного грифона, орлиного грифона и змеи» (Артамонов, 1961. С. 65). На рис. 1 приведено несколько подобных изображений (рис. 1, 1–4).

Однако в последнее время все чаще археологи и историки высказывают сомнения в том, что на этих изображениях нижняя половина богини представляет собой змею (или змей), скорее и чаще всего там можно видеть растительный орнамент, а само изображение причислять к типу Rankenfrau, по терминологии Савостиной — «прорастающая дева» (Савостина, 1996. С. 72–82; Соколов, 1999; Вахтина, 2005. С. 297–399; Буйских, 2006. С. 127–145; Буiskikh, 2007. Р. 157–181; Скржинская, 2010. С. 193–290; Журавлёв, Новикова, 2012. С. 81–82).

Уже Г. И. Соколов, выступая против традиционного понимания таких изображений, деликатно предполагал, что «змееногости» в них нет; например, его замечание о знаменитой «змееногой» богине из Куль-Обы, хранящейся в Эрмитаже: «Замысловата по контуру фигурная бляшка с так называемой (по-видимому, ошибочно, ноги у нее не змеиные, а в виде растительных узоров) змееногой богиней, держащей маску силена, похожую на известную по фрескам значительно более поздней виллы Мистерий в Помпеях» (Соколов, 1999. С. 195). Для сравнения высказывание того же автора о керченской «змееногой» богине из Керченского музея: «...Название богини „змееногой“ весьма условно, так как побеги, за которые она держится, имеют не змеиные, а растительные формы» (Там же. С. 358).

Решительно отвергла «змееногость» изображений в Северном Причерноморье и связь со скифскими религиозными представлениями многих образов богинь с растительным орнаментом А. В. Буйских, написавшая: «It is high time that the interpretation of images

Рис. 1. Предметы с изображением змееной богини: 1 — золотая бляшка из кургана Куль-Оба, IV в. до н. э.; 2 — каменная скульптура I–II вв. н. э. из Керчи; 3 — таз из кургана Чертомлык, последняя треть IV в. до н. э.; 4 — золотой конский налобник из кургана Большая Цимбалка, IV в. до н. э.; 5 — Rankenfrau из храма Адриана в Эфесе

Fig. 1. Objects with the image of snake-legged goddess: 1 — golden plaque from Kul-Oba burial mound (the 4th century BC); 2 — stone sculpture from Kerch (the 1st–2nd centuries AD); 3 — washbowl from Chertomlyk burial mound (the last third of the 4th century BC); 4 — golden horse frontlet from Bolshaya Tsimbalka burial mound (the 4th century BC); 5 — Rankenfrau from the Temple of Hadrian in Ephesus

containing the figure of the *Rankenfrau* should be removed from the sphere of strictly barbarian mythology — in this case that of the Scythians — to which it is not connected in the slightest (at least in the way it has been interpreted as the “snake-legged goddess”) (*Buiskikh*, 2007. P. 177–178). Известно, что декоративные

мотивы, включающие образ Rankenfrau, были широко распространены во всем античном мире (*Pfrommer*, 1990. P. 75, fig. 7) (рис. 1, 5).

В связи с этой трактовкой «змееной» богини, которая оказывается «прорастающей девой», хотел бы напомнить об одном образе,

рисующим Лукианом в «Правдивой истории», где на острове в Атлантическом океане живут именно такие женщины с виноградной растительностью в нижней части тела (I, 8): «Пройдя реку (текущую вином. — А. П.) в мелком месте, мы натолкнулись на удивительный род виноградных лоз: начиная от земли, ствол был свеж и толст, выше же он превращался в женщин, которые приблизительно до бедер были вполне развиты, — вроде того, как у нас рисуют Дафну, превратившуюся в дерево в то мгновение, когда Аполлон собирался ее схватить. Из кончиков пальцев у них вырастали ветки, сплошь увешанные гроздьями. Головы женщины были украшены вместо волос виноградными усиками, листьями и гроздьями. Когда мы подошли к ним, они встретили нас приветствиями и протянули нам руки; одни из них говорили на лидийском, другие на индийском, большинство же на эллинском языке. И они целовали нас в уста. Кого они целовали, тот сразу пьянел и становился безумным. Плодов, однако, они не позволяли нам срывать, а если кто-нибудь рвал гроздь, то они кричали как от боли. Им страстно хотелось соединиться с нами любовью. Двое из наших товарищей исполнили их желание, но не могли потом освободиться, точно связанные ими. Они, действительно, срослись с ними и пустили корни, а потом стали вырастать ветки из их пальцев, — они обвили лозами, не хватало только того, чтобы и они стали производить плоды» (перевод здесь и далее К. В. Тревер).

Вероятно, это единственное описание в античности *Rankenfrau*, которая была столь популярна в изобразительном искусстве всего греческого мира.

Известно, что все повествование Лукиана в «Правдивой истории» построено на пародировании авторов фантастических путешествий, утопий и авантюрных романов, как Лукиан прямо говорит во Вступлении (I, 2): «В нем (сочинении Лукиана. — А. П.) читателя будут привлекать не только своеобразность содержания и прелесть замысла, не только пестрота выдумок, изложенных убедительным и правдоподобным языком,

но и то, что каждый из рассказов содержит тонкий намек на одного из древних поэтов, историков и философов, написавших так много необычайного и неправдоподобного (πολλὰ τεράστια καὶ μυθώδη), и которых я мог бы назвать по имени, если бы ты при чтении сам не догадался, кого я имею в виду».

Современные исследователи, пытаясь догадаться, кого Лукиан имел в виду, находят в его сочинении отклики на эпизоды, образы, стилистику и даже текстуальные совпадения с «Одиссеей» Гомера, Аргонавтикой, Ктесием, Геродотом, Платоном, Аристофаном, Ямбулом, Апулеем, Антонием Диогеном, да и со всей античной литературой (см.: Swanson, 1976. P. 227–239; Swain, 1992. P. 74–76; Georgiadou, Larmour, 1998).

Уже давно текст о виноградоногих женщинах Лукиана связали с Геродотовым описанием змееногой богини, видя здесь пародию на Геродотово описание (см.: Stengel, 1962. P. 14–15; Olliers, 1962. P. 14–15; von Möllendorff, 2000. P. 90–91). Пародирование фантастических эпизодов Геродота у Лукиана неслучайно: он хорошо знал его труд и резко критически оценивал его достоверность.

В «Правдивой истории» Лукиан однажды прямо ссылается на Геродота, описывая Остров Блаженных (II, 5): «...На нас подул удивительный ветер, сладкий и благоухающий, какой, по словам историка Геродота, веет в счастливой Аравии». Геродот в III, 113 действительно упоминает о том, что «вся Аравийская земля благоухает божественным ароматом».

Еще в одном месте «Правдивой истории» Лукиан прямо обвиняет Геродота во лжи: описывая остров, где преступники несли тяжелые наказания, он сообщает следующее (II, 31): «Самые ужасные из всех наказаний претерпевали те, кто при жизни лгали и писали неправду (οἱ ψευδάμενοί τι παρὰ τὸν βίον καὶ οἱ μὴ τὰ ἀληθῆ συγγεγραφότες); среди этих преступников находились книдиец Ктесий, Геродот и многие другие. Глядя на них, я преисполнился доброй надеждой, так как не знал за собой ни одной произнесенной лжи».

В другом своем сочинении, «Как следует писать историю», Лукиан несколько раз упоминает Геродота в качестве одного из историков вместе с Фукидидом и Ксенофонтом (2, 18, 42 и 54). В 42-м параграфе, однако, слышна критика Геродота, когда устами Фукидида он замечает, что Фукидид «не останавливается на баснях, но оставляет в наследие будущим поколениям истину о событиях (μὴ τὸ μυθῶδες ἀσπάζεσθαι, ἀλλὰ τὴν ἀλήθειαν τῶν γεγενημένων ἀπολείπειν τοῖς ὕστερον)» (перевод С. В. Толстой). Имеется в виду, он это делает в отличие от Геродота, который позволяет себе «любить рассказы» (τὸ μυθῶδες ἀσπάζεσθαι).

В диалоге «Любители лжи, или Невер» Лукиан еще раз называет Геродота, Ктесия Книдского и Гомера лжецами (2): «Ты сам знаешь лучше меня древних писателей — Геродота, Ктесия Книдского и их предшественников-поэтов, самого, наконец, Гомера — мужей прославленных, письмом закреплявших ложь, благодаря чему они обманывали не только своих тогдашних слушателей: хранимая в прекрасных рассказах и стихах, их ложь (τὸ ψεῦδος) преемственно дошла и до нашего времени» (перевод И. И. Толстого).

Напомню, что в античности часто высказывались сомнения в достоверности Геродотовой исторической информации (см. анализ античных свидетельств: *Hose*, 2004. Р. 153–174). Аристотель называл Геродота μυθολόγος (*De gen. ap.* III, 7, 756b, 6–7), то есть «рассказчиком баснословного». Напомню, что и Цицерон в знаменитой характеристике Геродота как «отца истории» отмечает в его труде бесчисленные «сказки» — *fabulae* (мифы, выдумки, небылицы), см.: *De legibus*. 1, 5: «et apud Herodotum, patrem historiae, et apud Theopompum sunt innumerabiles fabulae», служащие «для развлечения (ad delectationem)», противопоставленного «истине» (*veritas*) (подробнее см.: *Dunsch*, 2013. Р. 153–199). То, что под словом *fabulae* следует понимать именно нечто фиктивное, отличное от *veritas*, показывает классификация Цицерона этих двух понятий в *De inventione* (1, 27): «Fabula est, in qua nec verae nec veri similes res continentur... Historia est

gesta res ab aetatis nostrae memoria remota» — «Выдумка — это то, в чем не содержится ничего правдивого или правдоподобного... История — это деяния, отстоящие от памяти нашего времени». Тит Ливий также различает в историческом предании о времени, предшествующем основанию Рима, *poeticae fabulae* и *incorrupta rerum gestarum monumenta* (*Praef.* 6).

В характеристике Геродота у Цицерона важным представляется сопоставление Геродота с Феопомпом из Хиоса, который был знаменит своими историческими фикциями, включая описание утопической Меропиды; Страбон считал, что Феопомп в своих исторических трудах рассказывал басен (μύθους) больше, чем Геродот (I, 2, 35). Кстати, в своем сочинении «Как следует писать историю» Лукиан также нелицеприятно отзывается о Феопомпе (см.: II, 59).

В «Правдивой истории» Лукиана есть и еще одно место, которое можно трактовать как пародирование «басен» Геродота. На том же фантастическом острове Лукиан и его спутники находят столб с надписью и каменные отпечатки ступней Геракла и Диониса, маркирующие границы ойкумены, до которых дошли эти античные «путешественники» (1, 7): «Пройдя приблизительно три стадия от моря в лес, мы увидели какой-то медный столб, а на нем греческую надпись, стершуюся и неразборчивую, гласившую: „До этого места дошли Геракл и Дионис“. Вблизи на скалах мы увидели два следа, один большой, другой поменьше, и я решил, что Дионису принадлежит след, который поменьше, первый же Гераклу (ἦν δὲ καὶ ἕχνη δύο πλησίον ἐπὶ πέτρας, τὸ μὲν πλεθριαῖον, τὸ δὲ ἑλαττον — ἐμοὶ δοκεῖν, τὸ μὲν τοῦ ὁ Διονύσου, τὸ μικρότερον, θάτερον δὲ Ἡρακλέους). Почтив их падением ниц, мы отправились дальше».

Параллелью этим отпечаткам является известное свидетельство Геродота об отпечатке ступни Геракла на скале у реки Тира (совр. Днестр) (IV, 82): «Эта страна (т. е. Скифия. — А. П.) не имеет ничего примечательного (θαυμάσια), за исключением рек величайших и многочисленных. О том, что представляется

достойным удивления (τὸ ἀποθωμάσαι ἄξιον), помимо рек и обширности равнины, будет рассказано. У реки Тираса показывают след Геракла, находящийся в скале (ἵχνοϛ Ἡρακλέοϛ φαίνουσι ἐν πέτρῃ ἐνεόν); он похож на след ноги человека, но по величине он размером в два локтя. Так с этим обстоит дело. Я же перехожу к тому, о чем я собирался рассказать с самого начала».

Этот пассаж Геродота, как никакой другой, выдает склонность Геродота к фантастическим, «удивительным» фактам (*fabulae* — в терминологии Цицерона), приписываемую историку всеми античными критиками и сочтенную Лукианом достойной осмеяния: в Скифии нет ничего замечательного, но достоин удивления след Геракла, о котором я сейчас расскажу, после чего можно снова рассказывать «историю».

Итак, Лукиан явно пародирует Геродота, рассказавшего о следе Геракла на скале

(*von Möllendorff*, 2000. P. 83–84), и, по-видимому, делает то же самое с двухчастной богиней скифов; при этом он изменяет ее змеиную нижнюю половину на растительную, что, собственно, мы и видим в большинстве изображений в Северном Причерноморье.

Как объяснить такое противоречие?

Возможно, Лукиан, который явно интересовался скифской тематикой (см. его «скифские» диалоги «Токсарис, или дружба», «Скиф, или гость», «Анахарсис, или о гимназиях» и др.), был знаком и с иконографией «змееногой» богини, которая также показалась ему более растительной, чем змеиной. Напомню, что местные изображения богини были выполнены греческими мастерами и помимо Северного Причерноморья были популярны во всем греческом мире. В этом случае в тексте Лукиана можно видеть подтверждение наблюдениям археологов о растительном характере нижней части «скифской» богини.

Артамонов, 1961 — Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып. 2. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 57–87.

Буйских, 2006 — Буйских А. В. Sofa-капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // БИ. Вып. 11. 2006. С. 127–145.

Вахтина, 2005 — Вахтина М. Ю. IV вв. до н. э. — эпоха расцвета греко-скифской торевтики // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Под ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетейя, 2005. С. 297–399 (Новая античная библиотека).

Журавлёв, Новикова, 2012 — Журавлёв Д. В., Новикова Е. Ю. Бляшка с изображением Rankenfrau из кургана Куль-Оба // Образы времени. Из истории древнего искусства / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2012. С. 80–97 (Тр. ГИМ. Вып. 189).

Раевский, 2006 — Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 598 с.

Савостина, 1996 — Савостина Е. А. «Змееногая богиня» — «прорастающая дева» (двусторонний антропоморфный акротерий из Пантикапея) // Историко-археологический

альманах. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей, 1996. Вып. 2. С. 72–82.

Скржинская, 2010 — Скржинская М. В. Фантастические существа в культуре, искусстве и религии античных государств Северного Причерноморья // Боспорские исследования. Вып. XXIV. 2010. С. 193–290.

Соколов, 1999 — Соколов Г. И. Искусство Боспорского царства. М.: Изд-во МЭИ, 1999. 529 с.

Buiskikh, 2007 — Buiskikh A. On the Question of the Stylistic Influences reflected in the Architecture and Art of Chersonesos: “Snake-legged Goddess” or Rankenfrau // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 13, no. 3–4. Leiden: Brill, 2007. P. 157–181.

Dunsch, 2013 — Dunsch B. Et apud patrem historiae sunt innumerabiles fabulae. Herodot bei Cicero // Herodots Quellen — Die Quellen Herodots / Hrsg. B. Dunsch, K. Ruffing. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. S. 153–199.

Georgiadou, Larmour, 1998 — Georgiadou A., Larmour D. H. J. Lucian’s Science Fiction Novel

- True Histories: Interpretation and Commentary.* Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998. 254 p.
- Hose, 2004 — Hose M. Am Anfang war die Lüge? Herodot, der “Vater der Geschichtsschreibung” // Große Texte alter Kulturen. Literarische Reise von Gizeh nach Rom / Hrsg. M. Hose. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. S. 153–174.
- von Möllendorff, 2000 — von Möllendorff P. Auf der Suche nach verlogener Wahrheit. Lukians *Wahre Geschichten*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2000. 622 S.
- Olliers, 1962 — Olliers F. Lucien. Histoire Vraie. Édition, introduction et commentaire. Paris: Presses universitaires de France, 1962. 100 p.
- Pfrommer, 1988 — Pfrommer M. Wurzeln her-mogenischer Bauornamentik // Hermogenes und die hochhellenistische Architektur. Intern. Kolloquium / Eds. W. Hoepfner, E.-L. Schwandner. Mainz: Philipp von Zabern Verlag, 1988. S. 69–80.
- Stengel, 1911 — Stengel A. De Luciani Veris Historiis. Diss. Rostock. Berolini: Typis expressit A. Ebering, 1911. 94 p.
- Swain, 1992 — Swain S. Antonius Diogenes and Lucian // Liverpool Classical Monthly. 1992. Vol. 17, no. 5. P. 74–76.
- Swanson, 1976 — Swanson R. A. The True, the False, and the Truly False: Lucian’s Philosophical Science Fiction // Science Fiction Studies. 1976. T. 3 (3). P. 228–239.

Some comments on the image of Scythian half-woman-half-snake in Herodotus

A. V. Podosinov

This article analyses the image of half-woman-half-snake described by Herodotus in IV, 9. She was known to be an ancestress of the Scythians. The article also considers numerous images of a goddess who is often seen as either an iconographic variant of Herodotus character or a “sprouting maiden” (Fig. 1). The author summarizes the discussion, which today is leaning in favour of the “sprouting maiden”. The images in the article support such opinion. There are images of Rankenfrau from the Temple of Hadrian in Ephesus (Fig. 1, 5), “sprouting maidens” from the North Black Sea region on different objects: a golden plaque from Kul-Oba burial mound (the 4th century BC) (Fig. 1, 1), a stone sculpture from Kerch (the 1st–2nd centuries BC) (Fig. 1, 2), a washbowl from Chertomlyk burial mound (the last third of the 4th century BC) (Fig. 1, 3) and a golden horse frontlet from Bolshaya Tsimbalka burial mound (the 4th century BC) (Fig. 1, 4). The analysis involves descriptions of maidens with lower part in the form of a grape plant in Lucian’s “A True Story” which obviously parodies the Herodotus’ text. Lucian also has other episodes of such caricature. For example, he references to large footprints on a rock that Dionysos and Herakles would have left (I, 7) which refers to Herodotus’ tale about Herakles footprint on a rock near the Tyras river (IV, 82). Lucian’s illustration probably confirms an opinion of historians who see “sprouting maidens” in the images of North Black Sea region goddesses.